

НИКОЛАЙ РЕРИХ.

/К 50-летию художественной деятельности/.

Подлинно - сильный, преодолевающий Дух никогда не идет по линии "наименьшего сопротивления". По самой сути своей он обречен искать выходы и решения на тортных, каменистых путях. Над срывами. Над кручами. Ибо жизнь не прогулка, не легкий бег - а тяжкий искус. И всегда под'ем. И всегда обет Тому Кто Духом возвращающим и томящимся /в Святом беспокойстве/ нас одарил. И всегда жертва. Поиски, срывы-словно израненные в крови руки. - так приходится держаться за зубцы, за пики, за изломы камней... Зато - там где-то преодоление, успокоение, ровный, замкнувший наше бытие горизонт. Благодарность Богу. Благодарность людям. Умудренность.

Таков путь Рериха...

Недаром много лет уже он и живет где-то в уединении, на высотах, в Наггаре, средь каменистых титанских вершин. Они его не давят. Он все преодолел, включил в себя. Дал себе, а частично и нам /тем, кто могут вместить/ ответ на загадку Жизни. На ее Тайну.

Над одиночеством, над каменистыми глыбами жизни, над ее странным /порою кажется неискушенном: недобрый:/ молчанием - он задумался уже давно: еще на берегах Невы. Еще тогда появились его "вопросы жизни". Первые полотна. Смутно волновавшие. Казалось все каноны были в них соблюдены, и красочные, и иные: - и новизна в них была, и напряженность. Но смутно/тогда еще смутно:/ чуялось нам в них еще что-то: настойчивый вопрос Жизни. Он стоял у дверей, у каменистых ворот, у глыб - не зная где-же там вход и стучал. Вопрошал. Не житейским стуком, не суетой, не метанием - а безмолвным вопросом, почти укором.

И потому неизбежно уходил он от "сегодняшнего дня". Мог бы, понятно, подобно Сурикову тонуть в русской старине; мог бы подобно Бенуа и Лансерэ обольщаться Петровской, Елизаветинской раскраскою жизни и искать ответы и разрешения там; мог бы подобно Добужинскому оживлять прежний быть. Всего этого не сделал. Пшел сразу "на самое трудное". На самое далекое для "массового" человека.

На предельное. На диалог с Богом: стал задавать вопросы. Что это? К чему? Что вокруг нас? Что скрыто за этим? И потому что шел к сердцевине, к центру - поневоле проходил мимо внешняго: истории, быта всех наших земных радостей, порою праздничных гирлянд, порою просто погремушек. Ничего этого не видел. Сразу пошел на кручи.

Вот его первые, сразу тогда изволившие, сразу наполнивши душу тревогой, смутным предчувствием общей человеческой Голгофы - полотна. Север, - тяжелые тучи - большие "лбатые" камни, Сосны, Мх. Далекие просторы. Но не такие, где можно благодарно дышать. Нет. Впрочем, его камни не давят, не гнетут: - они только не дают покоя.

Он вопрошал и требовал, чтоб вопрошали и мы. Он брал нас с собою, на это восхождение. За каждым гранитным, округленным в тысячелетия валуном - стоял вопрос: - что это? Что за этим? Это не были просто новгородские просторы или финские каменистые дандшафты - или сказочные зубцы крепостей, просто видения пылающих закатов, а постоянный и настойчивый /не "снимающий" своего "давления" подобно раз навсегда подоженному на сердце камню/ вопрос "Господи! Что это? Что значит твой мир?"

Ответ ему чуялся за этими скалами, за округлыми покатостями долин, за нежданными возвышениями, набухающими вздутиями. Повсюду. Иногда ему казалось, что там уже идет бой, решающая /но какая то гармоничная, не крикливая, не наша человеческая, а небесная основная/ борьба. И он - может быть, без сознательно для себя переносил ее в облака.

На одном из самых прекрасных полотен идет у него какой то бой небесных сил. В сплохах и жарких закатных огнях - видится сверкание лат и мечей. Все неясно. Все недоговорено. Но все с тем-же немым, настойчивым вопросом художникам мыслится:

И, понятно задавал эти вопросы не сколаст^и, не книжник, не головной начетчик, не школьный философ, а жрец. Божьей милостью жертвенная душа.

Так и чувствовалось что "сегодняшний день" бытъ^и успех, людское торжище -

могли легко увести его к "праздничным гирляндам", шуму улицы, тимпанам. Каждое полотно и тогдашнего и последующего Рериха было отказом от этого легкого пути, жертвой...

И должно быть, именно это нас волновало, мы словно чувствовали: "Вот, может, ведут идти по широкой праздничной дороге, но свернули сюда к каменистым кручам, к гранитам, новгородским валунам. Почему-бы это? Что это? Кто он? "Зачем сердца волнует, мучит, как своенравный чародей?"

И разве удивительно, что в этом разреженном воздухе /-, воздух" Рерих никогда не давил.../ в этих прозрачных далях, на опушке, в одиноких ложбинках думая, стучась, обращаясь к Богу - неизбежно должен был притти к молитве? Не к пантеистическому язычеству, а именно к смиренной, жертвенной молитве отшельников? И тогда-то средь его лесов и камней появился его любимый Святой: - Сергий Радонежский. Вот он - с медведем, вот обтесывает поваленную сосну, вот просто его лик, умудренный, спокойный, благословляющий, - но скромностью, скромностью жеста, отсутствием пышности - близкий бедному и слабому человеческому духу. "Аще не будете как дети". Простотой, отсутствием "педали" в своих хоралах, в полном отказе от всякой орнаментики и "барокко" - несмотря на глубину религиозной тематики - Н. К. Рерих глубоко северный и, понятно, очень православный художник, Пышность Рима, его песнопения, все флорентийское, Сикстинское, тоже верующее, но по-своему - ему чужды. Его алтарь - финский валун, его купол - свод северного неба, колонны храма - вековые сосны. И за всем этим для него Бог. К Нему, в сущности, он и шел всю свою жизнь. Вдоль этих одиноких, гранитных долин, - по лесам - поклонившись дорогой Св. Сергию Радонежскому - к высотам Памира, к говорящему молчанию снегов.

Сергей Горный.

"Русское Слово".

17-го сентября 1937 г.

РУСКОЕ СЛОВО

Ежедневная независимая общественно-политическая газета

ВИЛЬНО

ВАРШАВА

Warszawa, ul. Zgoda 6, m. 4, tel. 2-76-05.

Текущий счет Р. К. О. № 700.185.

Wilno, ul. Wileńska 11, m. 14 Tel 15-79.

Сегодня в номере 6 страниц
naieznosć pocztowa orłaconego guszaitem.

Цена 15 гр.

Пятница
17-го сентября
1937 года.

№ 218 (1723)
6-й год изд.

Условия подписки и обявление
см. на последней странице

Памяти первого президента Чехословакии — Т. Масарика

Затворник в Ланах и его „голубятня“. — **Первый припадок.** — **Президент Бенеш.** — **Ученик кузнеца и поручик Гинденбург.** — **«Россия и Европа».** — **Последние дни.** — **„Конкретная логика“.** — **Республика профессоров.**

В последние дни известия, приходившие из старого замка в Ланах, где добровольным отшельником жил создатель чехословацкого государства — Томаш Г. Масарик, скончавшийся в ночь на 14-ое сентября, вытеснили с первых страниц чехословацких газет телеграммы о нарастающих международных событиях. Страна мысленно оказалась в эти дни в потоке своего прошлого.

Был на множество перегородок, которых Т. Г. М. шутя называл своим «голубятником». Непосвященные не знают, что накопилось за 1½ года в этом архиве — «голубятне». Там могут быть листы, интересные для всех.

Б. президент жил весьма скромно. В Ланском замке он занимал спальни у себя

(Письмо из Праги)

Праги прибыл председатель совета министров Годжа. Министры прервали свой летний отдых и вернулись в Прагу.

Президент Бенеш пробыл в Ланах целую ночь, утром выехал в Прагу для приема визитных грамот

раза: после ухода в отставку в 1912 году, когда Масарик входил в зенит своей научной деятельности; после оконч. мировой войны, когда Т. Масарик стал президентом Чехословацкой Республики; после прихода к власти Гитлера, когда и Масарик на

Масарик прочел обширную литературу о германском национал-социализме.

К Т. Масарiku по сыновьи относился покойный югославский король Александр I и всегда прислушивался к его мнению. Большим поклонником Т. Масарика был болгарский царь Борис. Вернувшись в Со-

Чехословацкая печать воспроиздила и сейчас воспроизводит на своих страницах многочисленные статьи из газет — болгарских, югославских, румынских, английских, французских, американских и других. Хорошо осведомленной о всех побочностях болезни Т. Масарика оказалась газ. „Yorkshire Post“, которую считают органом английской министра иностранных дел Илена

Сергей ГОРЧИЙ.

Николай Рерих

(К 50-летию художественной деятельности).

Подлинно—сильный, преодолевающий Дух никогда не идет по линии „наименее го сопротивляемая“. По самой сути своей, Он способен искать выходы и решения на торных каменистых путях. Над ссыпями. Над крутыми. Ибо жизнь не прогулка, не легкий шаг—а тяжкий искус. И всегда подъем. И всегда обет Тому Кто Духом спрашивающим и томящимся (в Святом беспокойстве) нас одарил. И всегда жертва. Поиски, срывы—словно изгнанные в кровь руки,—так приходится лежаться за зубы, за пики, за изломы камней... Это —там где-то преодолено, успокоение, почный, замкнувшийся быт горизонт. Благодарность Богу. Благодарность людям. Умудренность.

Так в пути Рериха...

Несколько много лет уже он и живет где-то в уединении, на высотах, в Нагаре, спедь каменистых титанических вершин. Оно его не давят. Он все преодолел, включил в себя. Да! себе, а частично Издам (так, кто может, помочь) отважт на закаты Жизни, на ее Тайну.

Над одиночеством, над каменистыми глыбами жизни, над ею странным (после кажется неискушенном: недобрым!) молчанием — он задумался уже давно: еще на берегах Невы. Еще тогда появился его „вопрос жизни“. Первый полотна. Смутно волновавшийся. Казалось всей каноны были в них соблюданы, и красочные, и иные — и новизна в них была, и напряженность. Но смутно (тогда еще смутно!) чуялось нам в них еще что-то: настойчивый вопрос Жизни. Он стоял у дверей, у каменистых ворот, у глыб — не зная где же там вход, и стучал. Вопрошал. Но житейским стуком, не суетой, не метанием — а безмолвным вопросом, почти укором.

И потому неизбежно уходил он от „сегодняшнего дня“. Могбы, понятно, подобно Сурикову тянуть в русской старине; могбы подобно Бороду и Лансере обольщаться Петровской, Елизаветинской краской жизни и искать ответы в разрешении там; мог бы подобно Дубужинскому оживлять прежний быт. Всего этого не следил. Понеся сразу „на самое трудное“. На самое далекое для „массового“ человека. На предельное. На диалог с Богом: стал залавливать вопросы. Что это? К чему? Что вокруг нас? Что скрыто за этим? И потому чтошел к сердцевине, к центру — поневоле проходил мимо Европы: историй, быта всех наших земных радостей, порою праотеческих гилянд, порою просто погремушек. Ничего этого не видел. Сразу пошел на кручи.

Вот его первая, сразу тогда взывавшая, спасу наполнившая душу тревогой, смутным предчувствием общего человеческой Голгофы — полотна. Север, — тяжелые тучи, большие „лбатые“

камни. Сосны. Моз. Дзелене просторы. Но не така, где можно багдадно дышать. Нет. В ро- чем, его камни не давят, не гнетут: — они только не дают по-

краджеский. Вот он — с медведем, вот обтесывает поваленную сосну, вот просто его Дик, умудренный, спокойный, благословляющий, — но скромностью, скромностью жеста, отсутствием пышности — близкий белому и слабому человеческому духу. Аще не будете как дѣти. Простотой, отсутствием „педали“ в своих хордах, в полном отказе от всякой овнаментики и „барокко“ — несмотря на глубину религиозной тематики — Н. К. Рерих глубоко северный и, понятно, очень православный художник. Пышность Рима, его паноптическая, все флорентийское, Сикстинское, тоже върюющее, но по-своему — ему чужды. Его алтарь — финский валун, его купол — свод северного неба, колонны храма — вѣковые сосны. И за всем этим для него Бог. К Нему, в сущности, он и шел всю свою жизнь. Вдоль этих одиноких, гранитных долин, — по лѣсам — поклонившись горою Св. Сергию Радонежскому — к высотам Памира, к говорящему молчанию снегов.

Сергей Горчий

ПОТОМКИ

Профessor московского цинского института П. Чен, внука А. И. Герцена, перед советскими властями о переносе в Москву бронзового работы Заблоцкого.

По свѣдѣніям П. Чена, его потомки до сих пор имѣтъ племянника, Татьяна Александровна, умерла въ Лозанне, Ольга Александровна Французского, живетъ въ Версии. Ея дочери замужемъ французскимъ генераломъ — дядя Железныхъ во

настѣнныхъ
слѣдуя
по окрѣпленіи
нить
ближе
вое

П
пут
во

На одном из самых прекрасных полотен идет у него какой то бой небесных сил. В сплошныхъ жарких закатныхъ огняхъ — вспыхивает сверканье лат и мечей. Все неясно. Все недоговорено. Но все с тѣм же иѣмымъ, настойчивымъ вопросом художника:

Quid ist veritas? Ubi Deus?

И, понятно, задавал эти вопросы не холаст, не книжник, не головной начетчик, не школьный философ, а жрецъ. Божьей милостью жертвенная пушка.

Так и чувствовалось, что „сегодняшний день“ был, успѣхъ, людское торжество — могли легко увести его къ „праздничнымъ гирляндамъ“, шуму улицы, тимпачамъ. Каждое полотно и тоглашающее и посыпающее Рериха было отказом от этого легкаго пути, жертвой.

И должно быть, именно это наставило, мы словно чувствовали: „Вот, может, вѣдь идти по широкой праздничной дорогѣ, но свернул сюда к каменистым крутымъ, к гранитамъ, новгородскимъ валучамъ. Почему бы это? Что это? Кто онъ? Здѣшнимъ сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своимъ чародѣй?“

И развѣ удивительно, что в этом разрѣженномъ воздухѣ (— „возухъ“ Рериха никогда не давилъ...) в этих прозрачныхъ далахъ, на опушкахъ, в одинокихъ ложбинкахъ думая, стучась, обращаясь к Богу — неизбѣжно долженъ былъ идти к молитвѣ? Не к пантепистическому язычеству, а именно к смиренной, жертвенной молитвѣ отшельниковъ? И когда-то среди его лѣсовъ и камней появился его любимый Святой: — Сергій